

ВОЛЮФОР
НАСЛЕДИЕ

**НОВЫЕ ИДЕИ
В ФИЛОСОФИИ
СБОРНИК № 16
ПСИХОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ**

DirectMEDIA

Новые идеи в философии

Коллектив авторов

**Новые идеи в философии.
Сборник номер 16**

«Директ-Медиа»

2014

УДК 159.9
ББК 88.3

Коллектив авторов

Новые идеи в философии. Сборник номер 16 / Коллектив авторов — «Директ-Медиа», 2014 — (Новые идеи в философии)

Серия «Новые идеи в философии» под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова впервые вышла в Санкт-Петербурге в издательстве «Образование» ровно сто лет назад — в 1912—1914 гг. За три неполных года свет увидело семнадцать сборников. Среди авторов статей такие известные русские и иностранные ученые как А. Бергсон, Ф. Brentano, В. Вундт, Э. Гартман, У. Джемс, В. Дильтей и др. До настоящего времени сборники являются большой библиографической редкостью и представляют собой огромную познавательную и историческую ценность прежде всего в силу своего содержания. К тому же за сто прошедших лет ни по отдельности, ни, тем более, вместе сборники не публиковались повторно.

УДК 159.9
ББК 88.3

© Коллектив авторов, 2014
© Директ-Медиа, 2014

Содержание

И. И. Лапшин.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Новые идеи в философии. Сборник номер 16

И. И. Лапшин.

Психология эмоционального мышления Гейнриха Майера¹

I

Книга Гейнриха Майера: «Psychologie des emotionalen Denkens» представляет огромное, детально разработанное исследование (804 страницы крупного размера) на тему, намеченную еще Огюстом Конттом под именем «логики чувств» (la logique des sentiments) и разрабатываемую в настоящее время многими психологами. Данный труд обращает на себя внимание как богатством заключающегося в нем материала, так и полнотою его разработки. Собственно психологии «эмоционального мышления» автор предпосылает очерк психологии мышления вообще. Прежде всего он обращает внимание на то, что до сих пор еще в логике господствует слишком узкое понимание природы суждения. Под суждением принято разуметь только такой акт мысли, который обязательно находит себе выражение в полном грамматическом высказывании – «Aussagesatz». Между тем, существуют элементарные акты суждения, приводящие в восприятия, воспоминания и представления познавательной фантазии. С другой стороны, ошибочно думать, будто всякое представление есть логическое суждение: мы можем представлять что-нибудь не с познавательной целью, а руководимые побуждениями чувства. Отсюда можно установить два типа мышления: 1) судящее мышление (Erkenntnisvorstellungen) в котором на первом плане, так сказать, в фокусе нашего внимания познавательный интерес, как таковой, и 2) эмоциональное мышление (Emotionalvorstellungen), где на первом плане стоят потребности практические – потребности чувства и воли. Майер указывает, что уже древние отмечали рядом с высказываниями, чисто познавательного характера, словесные формы для эмоционального мышления. Более других этим формам уделяли внимания стоики. В новейшее время этот вопрос снова и гораздо более подробно стали разбирать филологи и психологи (Штейнталь, Вундт, Рибо). Приступая к анализу психологии мышления, Майер задается вопросом, в каком отношении должно стоять психологическое исследование к логике? И он склоняется к ответу в духе нормативизма: «Критическая работа логики не есть теоретическое дело, долженствующее создать основу для нормативного мышления, но, наоборот, критическая работа есть нормативное размышление и с своей стороны опирается всецело на нормативное опосредствование идеала». Наше мышление опирается на механизм представлений, на деятельность воображения фантастического и воспроизводящего, и потому прежде всего остановим наше внимание путем самонаблюдения на этом механизме. Когда мы говорим о самонаблюдении, то в сущности мы имеем дело почти всегда с данными первичной памяти, то есть опознаем, так сказать, по свежим, не остывшим следам исчезающее из сознания переживание. Чем объясняется воспроизводимость представлений? Физиологическая теория мозговых предрасположений неприемлема, ибо представляет трансцендентную гипотезу, не поддающуюся проверке. Психологическое же понимание тех предрасположений к представлению, Vorstellungs-Dispositionen, от которых зависит воспроизводимость представлений, приводит

¹ «Psychologie des emotionalen Denkens», 1908.

нас к допущению бессознательных представлений, которые суть *contradictio in adjecto*. Иллюзия бессознательности (*Der Schein der Unbewusstheit*) происходит от того, что известные звенья в смене наших представлений не опознаются нами, ускользают от нашего внимания. Майер, чтобы выйти из затруднительной дилеммы, допускает *Vorstellungs-Dispositionen* как методологическое обозначение для более или менее постоянной, хотя и изменчивой органической системы волевых предрасположений, образующих *Gesamttendenz des Willens*. Для него такая система играет роль лишь рабочей гипотезы: *VorstellungsDispositionen* – это «*nur Formeln von konstanter Möglichkeit*». Законы ассоциации представлений Майер сводит к четырем: 1) закон внутреннего соотношения, сюда относятся сходство, равенство и контраст; 2) закон смежности в пространстве и времени; 3) закон логически-синтетической связи – сюда принадлежат коррелятивные представления, относящиеся одно к другому как часть к целому, основание к следствию, причина к действию и т. п.; 4) закон эмоциональной прикосновенности (*Gesetz der emotionalen Berührung*), в силу которого настроение и вообще эмоциональные окраски переживаний влияют на ход ассоциаций. Не следует, собственно, говорить о законах ассоциаций, а скорее о направлениях ассоциаций. Все ассоциации могут быть выражены в одном положении, напоминающем кантовское учение об аффинитете представлений: «*Всякое представление ассоциируется только с таким другим, которое имеет с ним что-нибудь общее*». В виду того, что главным двигателем в смене представлений являются преобладающие волевые предрасположения, четвертый закон ассоциаций играет чрезвычайно важную роль: наши интересы сильно влияют на ход представлений. Представления фантазии не следует резко противопоставлять воспроизведениям: они вырастают в процессе формирования представлений из общего корня. Это можно подметить в «грезах наяву», когда образы сменяют друг друга, и в этих образах мы не имеем ни воспоминаний, ни фантастических переживаний в собственном смысле слова. Оригинальность и спонтанность характерны как описательные, а не генетические признаки фантазии. Так сказать, *generatio aequivoca* фантазии не приемлемо. В процессе формирования представлений следует отметить два явления: изменение и слияние представлений. Под изменениями нужно разуметь приблизительно то, что Рибо называет диссоциацией представлений. Дильтей удачно указывает три случая изменения представлений.

Образы изменяются: 1) вследствие отпадения частей; 2) вследствие усиления или ослабления отдельных сторон представления в их интенсивности; 3) вследствие присоединения к их ядру новых элементов и связей. Кроме изменений, в представлениях наблюдаются и слияния: два или несколько представлений дают как бы химически сложное соединение или два представления сочетаются как бы механически, и тогда мы имеем complication представления, которая есть вид слияния. Вот яркий пример слияния. Герой последней драмы Ибсена, скульптор Рубек прославился бюстами, поразительно сходными с их оригиналами, но невдомом от заказчиков он привносил в изображаемых людей сходство со зверями: «*снаружи это так называемое «поразительное сходство», на которое люди с таким удивлением глазают, но в своей глубочайшей сущности это достойные уважения почтенные лошадиные морды, упрямые ослиные рыла, вислоухие низколобые собачьи черепа и жирные свиные головы*». Между слиянием в собственном смысле слова и complication может быть множество переходных ступеней. Именно, путем изменения и слияния представлений и складываются образы фантазии. Кроме воспроизведений, в их образовании участвуют и данные первичной памяти и ощущения. Последние оказывают влияние: 1) просто стимулируя игру представлений, но не приводя в нее непосредственно; 2) приводя в процесс слияния и 3) влияя и прямо, и косвенно. Как отличаем мы фантазию от воспоминания? В последних случаях имеется чувство данности теперь (*Gegenwärtiggegebenes*) при восприятии и чувство бывшей прежде данности («*Einstgegebenes*»). «Спонтанность» представлений фантазии вполне совместима с репродуктивным источником вступления в сознание. Иллюзия спонтанности (*Schein der*

Spontaneität) проистекает из того, что воспроизводящий фактор лежит под порогом внимания. Отсюда иллюзия бессознательности, объясняющая и первую иллюзию.

II

Установив определенную точку зрения на механизм представлений, Майер переходит к логической стороне мыслительного процесса – к вопросу о природе суждения. На природу суждения существуют весьма разнообразные взгляды – их можно свести к четырем типичным группам, из коих первые три, как имеющие нечто общее между собою, могут быть противопоставлены четвертой: 1) Verknüpfungs- und Trennungstheorien, согласно которым суждение есть сочетание представлений или расчленение сложного представления. Уже Аристотель указывал, что сочетание и расчленение суть лишь две стороны того же акта; 2) Gleichsetzungstheorien, согласно им суждение = отождествление двух содержаний представлений; 3) Praedicationstheorien, два представления ставятся в отношении одно к другому. Эти три теории сходны в том, что они рассматривают суждения как связывание представлений. 4) Теория – это Geltungstheorie, суждение есть признание или отвержение представления или связи представлений. Признание это рассматривается в отношении к действительному бытию, и экзистенциальное суждение оказывается здесь типичной формы суждения вообще. Майер признает за всеми этими теориями известное значение. Он лишь настойчиво указывает, что не только связь представлений, но и отдельное представление может быть объектом суждения. Уже и отдельное представление не безразлично к «истинному» и «ложному», в него привходят те или другие моменты логического значения. Первичные формы суждения лежат в нашей психике гораздо глубже, чем те акты мышления, которые находят себе выражение в слове.

В суждение входят три момента (последний не всегда): истолкование, объективация и присоединение представления объекта мысли к словесному выражению. Под истолкованием надо разуметь процесс апперцепции, ассимиляции нового представления прежним запасом; в процессе апперцепции участвуют и воспроизведение, и господствующие «Vorstellungsdispositionen»! В связи с истолкованием совершается объективирование представления. Под объективированием Майер понимает не проекцию представления вовне, не отнесение его к внешнему объекту, как мы сейчас увидим, это частный случай (такое объективирование имеет место лишь в процессе восприятия), – но придание логическим элементам представления общезначимости. «Всякий акт объективирования включает в себя имманентное отношение субъекта к объекту. Судящий ставит объект в определенное отношение к себе, и только таким путем нам доступны объекты действительности». Мы познаем мир и внешний, и внутренний при помощи известных логических функций, которые и сообщают мысли транс-субъективное значение: в структуру мира явлений привходят не только формы созерцания и реальные категории (мы сейчас увидим, каковы они), но также и субъективно логические категории, вот почему мы считаем отношения субъективно логических категорий, когда они являются предметами суждений отношения, за нечто «действительное, за реальный объект».

То узкое понимание суждения, о котором мы говорили выше, уживается с предрассудком, который долго поддерживался ассоциационной психологией. Ее представители, в силу рационалистической тенденции к упрощению, упорно устраняют логический момент в душевной жизни детей, дикарей и животных, игнорируя наличность в последних элементарных форм суждения, каковы суждения восприятия и воспоминания. Суждение восприятия есть тот акт, которым ощущение превращается в восприятие, это – Empfindungsauffassung: во всяком опознанном ощущении уже кроется элементарное суждение восприятия. Истолкование восприятия сводится к образованию примитивного понятия, которое предшествует и возникновению слова. Такая формировка элементарного понятия в элементарном суждении восприятия сводится к подчеркиванию общих черт (Betonung) при помощи внимания и воспроизведенных

представлений. Истокование может быть интуитивным и концептуальным. Пример первого (Wiedererkennen): Отец! (Der Vater!), пример второго: (Erkennen): дерево (ein Baum!). Обьективирование в суждениях восприятия заключает в себе применение трех моментов. Локализация – пространственное приурочение объекта восприятия, темпорализация – временное приурочение объекта восприятия – и применение к объекту реальных категорий: процесс, состояние и вещь. Короче говоря, мы так психически организованы, что необходимо опознаем комплекс ощущений в суждении восприятия как некоторую вещь, наделенную качествами и подверженную изменямости, причем приурочиваем процесс восприятия к известному месту и времени. Свое завершение элементарный акт восприятия находит иногда в словесном выражении. Суждение воспоминания есть тот акт мысли, которым мы опознаем в воспроизведении раньше бывшее, превращаем его в воспоминание. Далее следует отметить суждения понятия – элементарные понятия привходят, как мы видели, в суждения восприятия – их возникновение – процесс произвольного характера. Сущность абстракции – «Betonung gewisser Züge durch Aufmerksamkeit», т. е. выделение некоторых черт вниманием.

Наши суждения о собственной душевной жизни Майер называет психологическими. Надо различать «сознание» психических процессов от знания о них, т. е. опознания. С другой стороны, в психической области нет просто состояний и процессов, не приуроченных к «Я», хотя бы это приурочение, т. е., иначе говоря, самосознание и было смутно, как у животных. Это заметно на структуре даже безличных психологических суждений: мне грустно, весело, страшно. В нашем «Я» следует отметить как бы три слоя: 1) Формальное единство сознания, das Bindeelement, обрамляющий, объединяющий содержания сознания; 2) Комплекс волевых предрасположений, приобретенных и унаследованных, потенциальный задний план сознания. Майер решительный волюнтарист – воля для него основная форма психических явлений – это Wille zur Selbstbehauptung, воля к самоутверждению; 3) Ichwahrnehmung, наша эмпирическая личность, приуроченная к известному телу, наше психофизическое «Я». Характеризуя сущность психической жизни как волю, Майер в то же время отвергает метафизическую теорию души, как старую «субстанциальную», так и новую (Вундтовскую) «актуальную». С другой стороны, по мнению Майера, не следует смешивать имманентность сознания с представлением: что ощущения сознаются нами – это еще не значит, что они представляются нами как психические переживания. В этом именно и заключается ошибка субъективного идеализма.

За психологическими суждениями следуют суждения отношения (Relationsurtheile), те, в которых мыслятся представления отношений. Не все представления отношений суть познавательные акты, могут быть и эмоциональные представления отношений. Что же касается познавательных суждений отношения, то они могут быть следующие: 1) субъективно-логические отношения (установка равенства, тождества, сходства, единства, множества); 2) пространственные и временные отношения, куда входят пространственные Gestalturtheile, суждения о форме, и temporale Gestalturtheile, когда я, например, сравниваю отдельные временные части события в отношении их различной скорости; 3) отношения реальной зависимости, куда входят отношения причины и действия, средства и цели; 4) отношения экзистенциальные, в экзистенциальных суждениях, где имеется в виду установка объективной реальности известного явления (например, Вильгельм Телль существовал); 5) семантические отношения, отношения слова к обозначаемому объекту; 6) отношения функциональные, – под ними Майер понимает нечто родственное понятию фиденциальных характеров у Авенариуса. Признание данного представления или суждения «знакомым», «виденным», «фантастическим», «вероятным», «сомнительным», «очевидным» и т. п. есть установка известного функционального отношения между познавательным процессом и его объектом. От таких познавательных функциональных отношений следует отличать: 1) чисто презентативные отношения, когда я просто созерцаю известное представление; 2) аффективно-функциональные отношения, когда я раду-

юсь чему-нибудь, ненавижу что-нибудь, сострадаю чему-нибудь и т. д., 3) волевые функциональные отношения, в актах хотения и желания, приказания; 7) последним видом отношений являются отношения основания и следствия. Майер полагает, по следам Brentano, что в суждениях отношения всегда имеет место объективирование, в том смысле, что отношение мыслится как объективная данность, к которой применимо выражение: «объекты второго порядка» или «объекты высшего порядка». Последний вид суждений, рассматриваемых Майером, – это суждения фантазии. Речь идет сейчас о познавательной фантазии – об эмоциональной речь будет впереди. Фантазия привходит в акты объективного познания и играет в них существенную роль. Во-первых, ее деятельность наблюдается в наших представлениях и суждениях о будущем (Zukunftsurtheile), затем в математическом мышлении, где мы конструируем понятия при помощи познавательной фантазии. Сюда же Майер мог бы отнести и так называемые трансградиентные представления, т. е. мои представления об окружающей меня действительности вне кругозора непосредственного поля зрения (например, мое представление о расположении предметов в соседней комнате, о соседних улицах и т. д.). Но о них Майер ничего не говорит. Далее следуют представления чужой душевной жизни. Познание чужой душевной жизни получается не чисто ассоциативным путем и не путем традиционного, отлитого в сложные формы, заключения по аналогии, но путем непроизвольно совершаемого примитивного заключения по аналогии, опирающегося на инстинктивно осуществляемые индукции. Дифференциация живых существ от остальных идет у ребенка путем различения (вызываемого практически, а не теоретическими побуждениями) объектов, произвольно действующих в окружающей среде, от остальных. 2) Одновременно с этим происходит у ребенка специализация, индивидуализация психического значения поступков определенного лица. Эти заключения Майера поразительно напоминают Балвина, на которого он, однако, не ссылается. К суждениям фантазии нужно отнести и сообщенные суждения (Mitgetheilte Urtheile), т. е. те акты мысли, которые возбуждаются во мне извне путем речи или письма. Наконец, к области суждений фантазии следует отнести наши метафизические построения, наши концепции сущности вещей. В метафизических построениях суждения познавательной фантазии могут, однако, иметь и объективное значение. Метафизика не простое Begriffsdichtung (Ланге), не eine ungeheuerere phantastische Spiegelung seines eigenen Selbst для человека (Дильтей), ибо возможна критическая метафизика. Путем гносеологического анализа мира явлений мы когда-нибудь доберемся и до его скрытого ядра – до вещи в себе. Явление указывает на существование транссубъективного Икса; познать его структуру, хотя некоторые положительные его черты, составляет задачу критической метафизики. Таким образом. Майер примыкает к тем философам, которые, как Паульсен и Фолькельт, видят в критицизме подновленную метафизику и в понятии «критической метафизики» не усматривают никакого внутреннего противоречия.

III

Набросав очерк психологии судящего мышления, Майер переходит к характеристике эмоционального мышления. И там, и здесь наблюдаются аналогичные логические процессы (и истолкование, и объективирование, и деятельность категориального аппарата), но общая тенденция в актах эмоционального мышления иная: познавательный процесс здесь затенен, отодвинут на задний план, не опознан как таковой, в нашем сознании совершается «reine Vorstellungsgestaltung, nicht Auffassung», фокус внимания сосредоточен на практической цели, для которой познание является лишь побочным средством. Чтобы уяснить себе природу логических актов в эмоциональных представлениях, прежде всего нужно разобраться в природе чувствований. Интеллектуалистическая теория чувствований, сводящая их к соотношению представлений, совершенно несостоятельна. Теория Джемса-Ланге односторонняя. Ощущения и чувствования первичны, они суть различные формы для выражения того же процесса в «Я»,

но при этом не надо еще упускать из виду волевой корень чувствований и познавательных процессов. Липпис прав, говоря «Gefühle sind Weisen des Ichgefühls». Против волюнтаристического понимания природы чувствований можно сделать два возражения: 1) Если чувствования всегда суть проявления воли, то как же быть с неприятными чувствованиями, которые, наоборот, идут в разрез с нашим стремлением; 2) часто бывает так, что мы достигаем чего-нибудь приятного, не стремясь к нему, когда, что называется, «Бог на шапку посылает». Оба эти возражения основаны на недоразумении. Дело в том, что, кладя волю в основу всех психических явлений, Майер не имеет в виду утверждать, будто всякому переживанию чувства предшествует актуальное желание его достигнуть, но лишь указывает на тот факт, что вся жизнь чувствований стоит непременно в определенном соответствии потребностям и стремлениям «Я», дифференцировавшимся из животного инстинкта самосохранения так же, как из этого инстинкта вырос и познавательный интерес. Возможны ли представления без чувственного тона или чувствования без познавательного коррелята? На оба эти вопроса Майер отвечает отрицательно. Так называемые индифферентные психические состояния надо понимать в относительном, а не абсолютном смысле – это психические состояния с неопознанным, лежащим ниже порога внимания чувственным тоном. В чувствованиях, с другой стороны, может отсутствовать представление объекта чувствования, но какие-нибудь элементы представления все же имеются в наличности. Что касается отношения чувствований к воле, то никакого особого Willensgefühl (Strebensgefühl) нет, но зато во всяком психическом акте есть волевая сторона. Переходя к вопросу о качественной стороне чувствований, можно сказать, что чувствования распадаются на столько классов, сколько существует различных стремлений (общих и индивидуальных, приобретенных и врожденных) в основной тенденции «Я» (Ichtendenz). Гедоническая теория чувствований, сводящая их все к чувствам удовольствия и страдания, несостоятельна: различия качеств следует относить не только к представлениям, но и к чувствованиям. В противном случае пришлось бы согласиться, что страдания при уколе пальца и потере близкого друга качественно тождественны. Чувствования заключают в себе три пары основных противоположностей, которые могут различно комбинироваться: приятное – неприятное, напряжение – разряд, активность – пассивность. Так, например, страх перед возможной неприятностью есть неприятное чувство пассивного напряжения. Эмоциональные представления фантазии могут развиваться или на почве настроений – Stimmungsvorstellungen или на почве аффектов, но последнее возможно лишь при средней силе чувствований, и вот по какой причине. Аффекты разряжаются в выразительных движениях, последние ослабляют возбуждение, восстанавливая равновесие в организме. Аффективные представления фантазии, разыгрывающиеся на фоне известного чувствования, также представляют известный (хотя и менее успешный) разряд чувствования, но эти две формы разряда исключают одна другую, ибо выразительные движения несовместимы с созерцательным характером аффективных представлений фантазии. Психологи различно высказываются о том, усиливается или ослабляется чувствование под влиянием аффективных представлений: по Вундту оно ослабляется, по Леману – усиливается. Майер полагает, что оба психолога правы: в обоих случаях замечается тенденция привести организм в равновесие: Wirklichkeitsgefühle перевоплощаются в Phantasiegefühle, но это не всегда приводит к желанному результату, если индивидуум наталкивается на задержку сильного желания. Так, например, сладострастные мечты могут усиливать половое влечение, так же печальная аффективная фантазия может усиливать печаль.

Акты аффективного мышления представляют аналогию с актами судящего мышления. Здесь есть и истолкование, и категориальный аппарат. Вместо же объективирования здесь есть иллюзорное объективирование: мы относим образы фантазии к вымышленной действительности путем аффективного самовнушения, таково аффективное суждение самовнушения, к нему сводятся акты веры. «Вера есть сознание значимости, но такое, которое основывается не на познавательных данных, но на самовнушении». Что касается момента внешнего выражения, то

он здесь большею частью отсутствует, ибо аффективные представления фантазии и звуковые выразительные движения – трудно совместимые формы разряда чувствований. Было бы ошибкою считать *vocativa* и междометия словесным выражением для аффективных представлений – это не предложения и даже не зачатки их, а просто разряды чувств: окрик «Карл!» мог бы быть заменен, например, свистом. Аффективные представления могут приводить в качестве промежуточных звеньев и в сложные акты познавательной фантазии, например, в умозаключения. Это наблюдается во всевозможных доказательствах бытия Божия или бессмертия, где убеждение достигается не логической принудительностью аргументации, а подспудным влиянием на внушаемость собеседника. Эмоциональное мышление можно подразделить на аффективное и волевое. Аффективное мышление находит себе своеобразное применение в эстетическом и религиозном мышлении.

IV

Под эстетическим мышлением Майер отнюдь не понимает эстетическое суждение оценки, таковое есть просто вид нормального познавательного суждения, но самое эстетическое переживание, в котором что-нибудь нравится или не нравится нам. Прежде всего возникает вопрос, при каких условиях какой-нибудь объект природы или искусства может возбуждать в нас эстетические представления фантазии. Уже Фехнер справедливо указывал, что в эстетическом переживании следует отмечать два фактора – прямой и косвенный. Прямым является самый объект природы или искусства, стимулирующий нашу фантазию как таковой. Из него развивается косвенный, ассоциативный. Этот последний можно рассматривать с двух сторон: с формальной и с материальной. С формальной стороны чувственное впечатление порождает эстетическую игру представлений в том случае, если оно вызывает в нас беспрепятственно развивающийся, внутренне свободный процесс смены представлений, это достигается единством в многообразии, господством гармонической формы над содержанием. С развитием этого процесса тотчас возникает иное отношение к воспринимаемому объекту, он, так сказать, поглощается в созерцании, сливается с элементами фантазии: созерцательное отношение к восприятию вытесняет всякое другое – познавательное или эмоциональное практического характера. В художественных произведениях (например, в пластике) объект так технически приспособлен к целям эстетического переживания, что он с особенной легкостью вызывает игру фантазии и превращается из познавательного восприятия в эстетическое созерцание. Материальная сторона ассоциативного фактора заключается в значительности изображаемого (*bedeutungsvoll*), в изображении ценных, интересных сторон человеческой личности и того, что имеет к ней отношение. Хотя в эстетическом восприятии волевой элемент и отодвинут на задний план, но все же связь с «*Wille zum Ich*» сохраняется, и эта связь, хотя и косвенная, с этическими идеалами жизни сообщает глубину эстетическому впечатлению и приводит во все роды искусства – и в трагический, и в комический. Синтезом обоих моментов, формального и материального, является то, что Майер называет «*Einschauung*». Объект вызывает аффективную фантазию постольку, поскольку он является одушевленным; проекция же психики совершается с тем большею легкостью, чем более технически совершенна форма изображаемого; но именно это-то и сообщает значительность и ценность изображаемому. Представление чужой психики, построенное из материалов собственных переживаний, здесь чисто созерцательное, а не «взаправдашнее», оно отвечает потребности аффективной фантазии – и только; с ним не связано никакого познавательного интереса. Посмотрим теперь, в чем проявляется логическая активность в эстетическом созерцании. К. Гроос и Фолькельт устанавливают два класса эстетических суждений, оценки и понимания (*Werth- und Verständnissurtheile*). Примером последнего может служить такое суждение при взгляде на картину «Тайная вечеря»: «Вон этот там – это Иуда; он, очевидно, в испуге опрокинул солонку». Майер полагает, что это вовсе не

познавательное суждение, но эмоционально-аффективный акт мысли: «то, что я вижу, есть для меня Иуда только в силу аффективно-эстетического способа представления». Конечно, такая фраза может соответствовать и чисто познавательному суждению, и тут невозможно провести строгой границы во внешнем способе выражения. В эстетический акт мысли входит наряду с «истолкованием» и объективирование: псевдообъективирование, т. е. приписывание объекту «невзаправдашней» реальности, реальности в качестве объекта созерцания. Недавно Конрад Ланге в книге «Die bewusste Selbsttäuschung als Kern des künstlerischen Genusses» развивает мысль, будто эстетический акт сводится к вызывающему наслаждение свободному и сознательному колебанию (Hin- und Her-Pendeln) между реальностью и видимостью, отношением «все-рьез» и игрой. Но если все дело сводится к непрестанному сопоставлению, и притом вполне сознательному, действительности с видимостью, то, замечает Майер, придется допустить, что самое сильное впечатление, например, от созерцания ландшафта, должно у меня быть в том случае, если художник изобразит знакомую мне местность. «На самом же деле бывает как раз обратное. Если человек, изображенный на портрете или пейзаж, соответствующий содержанию картины, знаком мне, то, дабы получить чистое эстетическое удовольствие, я должен употребить всяческие усилия, чтобы устранить воспоминания и вообще всякие познавательные представления, которые могли бы нарушить целостность эстетического впечатления». С другой стороны, часто близость художественного изображения к оригиналу его оставляет нас совершенно равнодушными. Бесспорно, иллюзия есть необходимая предпосылка и важный момент в эстетическом созерцании, но не составляет еще всей его сущности. Однако, безусловно нельзя сказать, будто сознательное посменное сопоставление «видимости» и «реальности» имеет место в эстетическом созерцании, наоборот, такой процесс привел бы к уничтожению эстетического наслаждения: сознательным самообманом эстетическую иллюзию никак нельзя назвать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.